

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Обзорная статья редактора

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2

Зубок Ю. А.

**Изменяющаяся социальная реальность:
рефлексия теоретических и эмпирических аспектов
социологического исследования молодежи**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
uzubok@mail.ru

Аннотация. В статье с феноменологических позиций анализируются процессы формирования и изменения социальной реальности и роль молодежи в этих процессах. Как формирование, так и изменение рассматриваются во взаимодействии объективных и субъективных сторон жизнедеятельности человека, где объективная сторона определяется условиями жизнедеятельности и культурой общества, а субъективная – смысловыми конструкциями и образами реальности, возникающими в сознании людей в процессе социальных взаимодействий друг с другом и с социальной действительностью. Базовым в формировании реальности является смыслообразование, а основания преемственности смыслообразов, их деконструкции и «пересборки» связываются с процессом воспроизводства и изменения реальности, в котором молодежь играет ключевую роль. Тема молодежи в изменяющейся реальности рассматривается через призму изменения бытия человека в динамично меняющемся мире, в контексте изменения смысловых оснований реальности. В обобщенном виде проиллюстрированы изменения в понимании феноменов реальности молодежью, смыслов, которыми наделяются объекты реальности и практики жизнедеятельности молодежи, конструируемые во взаимодействии с этими объектами. Приведены примеры изменений, вносимых молодым поколением на каждом этапе конструирования реальности и их проявление в различных сферах жизни. Дано описание противоречий между различными аспектами в механизме формирования и изменения социальной реальности в молодежной среде – объективными и субъективными, традиционными и современными, осознаваемыми и бессознательными, социальными и культурными. Теоретическое обоснование и эмпирические подходы к анализу изменений базируются на многолетних социологических исследованиях, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках исследования механизмов взаимодействия молодежи и общества.

Ключевые слова: молодежь; социальная реальность; смыслы; смыслообразование; практики; изменение реальности; конструирование реальности, противоречия

Информация для цитирования: Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.

Editor's Review Article

Yuliya A. Zubok

Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth

Institute of Socio-political Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
suzubok@mail.ru

Abstract. The processes of social reality formation and changes as well as the role of youth in these processes are analyzed in the article from the phenomenological point of view. Both formation and change are considered in the interaction of objective and subjective aspects of human life, where the objective side is determined by the living conditions and culture of society, and the subjective side is defined by the semantic constructions and images of reality, arising in the minds of people in the process of social interactions. Meaning-making is fundamental to the formation of reality, and the basis for the continuity of meaning-images, their deconstruction and "reassembly" are linked to the process of reproduction and change of reality, in which young people play a key role. The theme of youth in a changing reality is examined through the prism of changing human existence in a dynamically changing world, in the context of changing the semantic foundations of reality. The article illustrates changes in the understanding of reality phenomena by young people, the meanings given to the objects of reality and the practices of young people's life, which are constructed in interaction with these objects. Examples of changes made by the young generation at each stage of constructing reality and their manifestation in different spheres of life are given. Contradictions between different aspects – objective and subjective, traditional and modern, conscious and unconscious, social and cultural in the mechanism of formation and change of social reality in the youth environment are described. Theoretical reasoning and empirical approaches to the analysis of changes are based on many years of sociological research carried out by the Centre of Sociology of Youth ISPR FCTAS RAS as part of the study of the mechanisms of interaction between youth and society.
Keywords: youth; social reality; meanings; meaning-making; practices; changing reality; constructing reality; contradictions

Information for citation: Zubok, Y. A. (2022), "Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.

Введение (Introduction). Актуальность исследований, связанных с анализом социальной реальности в ракурсе социологии молодежи, обусловлена, во-первых, особой ролью молодежи в воспроизводстве

и обновлении общества, ее способностью наследовать и изменять параметры социальной реальности на основе нового опыта. Во-вторых, высоко динамичным, иногда лавинообразным, как это было в ситуации

пандемии, характером изменений, обусловленных и внутренними для каждого общества причинами (сценарий собственной «социально-исторической судьбы») и глобальными, внешними (драма «общей судьбы»). В-третьих, неоднозначностью и противоречивостью формирующейся реальности, в которой под влиянием перманентной изменчивости свойства ее объектов трудно отделимы от их состояний, смысловые образцы гибридизированы, а стратегии – не линейны. В-четвертых, необходимостью изучения механизмов, на основе которых формируется и изменяется социальная реальность.

Все многообразие подходов к пониманию того, что же собой представляет социальная реальность сводится к определению ее как действительности социального мира, отражающей одновременно объективно существующие явления и процессы, и субъективные представления о них.

Как объективная социальная действительность она существует не независимо от включающихся в нее субъектов. Молодое поколение наследует сложившуюся систему экономических, социальных, политических институтов, организаций, связей и отношений, образующих основу объективной действительности, с которой взаимодействует.

В то же время, исходя из феноменологического понимания социальной реальности как «всей совокупности объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Шюц, 1994: 485) она – не более, но и не менее, чем субъективная конструкция. Поэтому ее главной составляющей и основной характеристикой являются социокультурные феномены – явления в их чувственном созерцании (Новая философская энциклопедия, 2010). А в исследовании социальной реальности основное внимание уделяется про-

цессу формирования субъективных представлений об объектах действительности и отношению к ним.

В феноменологическом подходе реализуется одна из социологических традиций, согласно которой «социальная реальность в большей мере связана с нормативно-ценностными структурами, и, следовательно, в контексте отношений «общество – индивид» подчеркивается не столько идея статусно-ролевых позиций, сколько идея смыслов-значений, которые являются составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии» (Грицанова, 2008: 145). В то время как другая социологическая традиция описывает реальность через структурные категории различного типа – классы, слои, страты. И создаваемая ими социальная реальность считается той самой истинной реальностью, которая «оборачивается каждому индивиду совокупностью предуготованных социальных ролей, в рамках которых с известной долей вероятности будет реализована его биография» (Грицанова, 2008: 145).

По мере взаимодействия друг с другом и с социальной действительностью, в процессе ее познания и приобретения собственного опыта жизнедеятельности в заданных структурах молодые люди не только формируют общее субъективное представление об их сущности, но и наделяют собственными смыслами и значениями. Исходя из того, что целостность реальности обеспечивается связью объективного и субъективного, то и понимание ее формирования и изменения может быть достигнуто путем анализа взаимосвязи обоих компонентов – структур и их смысловых образов. Поскольку речь идет о молодежи как становящемся социальной субъекте, т.е. интегрирующемся в многочисленные связи, структуры и отношения, то объективное для нее проявляется и в виде социально-экономических условий, определяющих ее базис, и в виде культуры. В силу инерционности ее образцов, она в известной мере выступает столь же неотвратимым, базовым

условием жизнедеятельности молодежи. Регулирующая функция культуры как совокупность ценностно-нормативных представлений определяет способы ее организации в самых разных сферах (Hofstede, 2011; Аузан, 2022).

Целью статьи стало рассмотрение ключевых теоретических и эмпирических аспектов социологического подхода к исследованию формирования и изменения реальности в молодежной среде с акцентом на социокультурные его составляющие.

Методология и методы (Methodology and methods). В социальной философии и социологии накоплен значительный пласт теоретических разработок, позволяющих обосновать методологию исследования социальной реальности и роли молодежи в ее воспроизводстве и изменении – от классических подходов, восходящих к истокам феноменологии до современных концепций формирования и воспроизводства реальности. Объективность формирования реальности, обусловленная влиянием культуры и субъективность, непосредственно связанная с ее конструированием в молодежной среде, находятся в постоянном взаимодействии, как взаимодействует между собой молодежь и общество. Пространством этого взаимодействия является пространство смыслов – представлений о реальности, понимания сущностных характеристик объектов, процессов и явлений. Поэтому основным подходом стал социокультурный. А, поскольку одной из функций культуры является смыслообразование, то основой этого подхода является теоретическое обоснование конструирования и особенности воспроизводства смыслов реальности.

Исходным в понимании изменяющейся реальности является учение об экономической социальной и культурной динамике (Сорокин, 2000), об изменчивости общества, свойстве социального мира выступать перед людьми как постоянно меняющееся сочетание различных сфер реальности (Штомпка, 1996) и как следствие, о восприятии общества в движении («процессуальный образ») (Штомпка, 1996: 21).

В основу данной статьи положены теоретико-методологические разработки в области исследования молодежи в изменяющейся социальной реальности, ставшие главным приложением сил коллектива Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН (Чупров, Зубок, Романович, 2014; Чупров, Зубок, 2019; Зубок, Чупров, 2020). Обоснование социокультурного механизма формирования и воспроизводства социальной реальности с учетом субъектности молодежи в этом процессе непосредственно связано с именем В. И. Чупрова (08.08.1938 – 18.08.2021), разработавшего концепцию молодежи как субъекта общественного воспроизводства и общественной жизни, обосновавшего ее функции в формировании и изменении социальной реальности, заложившего теоретико-методологические основы исследования социокультурных механизмов социальной регуляции (Чупров, 1994: 450-451; Чупров, 2008: 451-452).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Формирование социальной реальности.* Социальная реальность формируется на основе знаний индивидов и групп о ее объектах, с которыми они, так или иначе пересекается и взаимодействует. Благодаря знаниям, по П. Бергеру и Т. Лукману, возникает «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» (Бергер, Лукман, 1995). Знакомство с объективной, стоящей по выражению Э. Дюркгейма, над человеком действительностью, ее познание в процессе взаимодействий – первичный этап, на котором определяются базовые представления о явлениях, событиях, объектах. Воспринимать мир как «реальный» заставляет «действительность» внешнего мира, созданная волевым актом и упорно безразличная к намерениям людей, нежелающая подчиниться их воле и потому воспринимаемая как «принуждающая, ограничивающая и непокорная» (Бауман, 2008: 23). Но по мере познания и освоения внешнего мира, происходит понимание возможностей его преоб-

разования и выбора. Реальными, таким образом, становятся объекты, осознанные как пространство собственной жизнедеятельности. При этом реальность может восприниматься как отчужденная и неподдающаяся контролю и изменению, либо как подвластная и свободно конструируемая. В первом случае она воспринимается как пространство самовыражения и самореализации, наполненная позитивными перспективами развития, подконтрольная и оттого безопасная. Во втором – как отчужденная и потому опасная. Причем, опасность реальности может выражаться, как в ее принудительно-ограничительной силе, так и в неопределённости и непредсказуемости.

Отражая взаимодействие не только объекта и субъекта познания, но, прежде всего, познающих субъектов друг с другом, реальность формируется как интересубъективная. Интересубъективность – «род коллективной реальности, выходящей за границы индивидуального, разделяемой по меньшей мере двумя субъектами и нормативно влияющей на образ мыслей и действий некоторого множества людей, в пределе – всего общества..., максимальная и единственно достижимая форма объективности, а также всеобщности и необходимости в человеческих делах и начинаниях (взаимоотношениях). Ее можно считать также мерой согласия среди людей относительно значимости тех или иных событий – как практического, так и теоретического характера» (Гречко, 2008: 122). Ключевым механизмом интересубъективности являются многочисленные социальные взаимодействия. Они выстраиваются как «многоканальные» в том смысле, что в них вовлекаются разные поколения как носители опыта и знания и разные социальные посредники, продуцирующие и транслирующие контент в процессе коммуникации. Поскольку «сферой непосредственного социального опыта», по А. Шюцу, «выступает социальный жизненный мир внутри нашего поля действия» (Шюц, 2008: 77), то познающие и формирующие свою реальность молодые люди включаются в этот процесс

«вместе с Другими в некотором общем темпоральном пространстве», разделяя «с ними и определенный сектор в общем поле действия» (Шюц, 2008: 77). Общность знаний и опыта, в действительности пережитого совместно и поэтому разделяемого, или познанного через образование, наблюдение, устные истории, но эмоционально воспринятого как собственный – интегрированного – делает из разрозненных, живущих своей повседневной жизнью молодых людей, общность. Принадлежность к этой общности дает уверенность в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах, а пережитый совместный опыт добавляет эмоциональных красок этой уверенности. Разделяемое, так называемое «общее знание», выражаемое на языке обыденности формулами «все так думают» и «это всем известно» как раз и питает субъективную реальность.

Если постфигуративная культура (по М. Мид) с ее устойчивыми, вполне адекватными для актуального применения и потому мало подвижными конструкциями знаний и опыта, выстраивает интересубъективность в режиме вертикальной передачи от старшего поколения к младшему, то наступление кофигуративной и постфигуративной культуры говорит о том, что в процесс добывания новых знаний и опыта включаются одновременно разные поколения, точно также столкнувшиеся с новой действительностью и стоящие перед необходимостью формирования ее образа. Главное отличие будет состоять в том, что для молодого поколения этот процесс носит характер первичного познания и освоения реальности. Соответственно, интересубъективность формирующейся реальности не исчерпывается только горизонтальными взаимодействиями внутри молодежной когорты, а расширяется за счет взаимодействия с другими поколениями и новыми социальными посредниками. В современном обществе расширению социальной реальности служат виртуальные коммуникации. Они связывают в едином коммуникативном

поле носителей самого разного опыта и знаний. На их пересечении формируются смысловые представления как «обобщенные образы объективной действительности» (Ломов, 1984: 167).

Различая вслед за У. Джеймсом знание как верование, как поверхностное знакомство и как глубокое проникновение в сущность объекта или явления, А. Шюц пишет: ««знание о» относится к тому сравнительно небольшому участку мира, о котором каждый из нас имеет законченное, ясное, отчетливое и устойчивое знание, не только по отношению к «что» и «как», но также и в отношении к «почему», особенно там, где данный субъект является «компетентным экспертом». «Знание знакомство» относится только к «что» и оставляет «как» незатронутым». Развивая эту идею Вал. А. Луков называет знакомство и узнавание частей среды молодежью первой стадией конструирования ею социальной реальности (Луков, 2018).

Напомним, однако уточнение А. Шюца о том, что формы знания о жизненном мире, во-первых, весьма дифференцированы, во-вторых, постоянно меняются, флуктуируют, что проявляется в сознании отдельного индивида или группы и в их отношении к другим объектам. «Следовательно, объем того, что, с одной стороны, известно, значимо, понятно, и того, с другой стороны, что неизвестно, относителен; для индивида он соотнесен с его биографической ситуацией, для группы – с ее исторической ситуацией» (Шюц, 2008: 79). Это уточнение имеет существенное значение для понимания механизма формирования реальности в современной молодежной среде. Во-первых, молодежь сильно дифференцирована. Наряду с «классическими» основаниям дифференциации – гендер, возраст, регион, уровень образования и доходов, действует целый ряд других оснований, определяющих социальные и социокультурные различия молодежи. Во-вторых, не одинаков темп освоения реальности и неравенство доступа к ресурсам развития дополняется «плюрализмом культур» и

«отсутствием универсалий» (Bauman 1992), вследствие чего различные группы молодежи формируют свои собственные образы реальности. Формируемая множеством познающих и конструирующих свою реальность субъектов – одна из характерных черт современного общества.

Освоение молодыми людьми социальной реальности не отделимо от понимания содержательных характеристик ее объектов, процессов и явлений социальной жизни, что предполагает рефлексивное, осмысленное раскрытие их содержания, функций и значения для жизнедеятельности в исторической ретроспективе, в актуальной ситуации и в проекции незримо ощущаемого будущего. Смысл определяется Ю. А. Шрейдером, как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывающая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей» (Шрейдер). Необходимость в этом контексте противопоставляется случаю, отражая закономерность такого осуществления. Какой смысл имели события или явления в прошлом, что они значат в настоящем и какую роль способны сыграть в конструировании будущего определяется взаимодействием осознаваемого и бессознательного в их восприятии. Неосознанное эмоционально соперничает. Молодой человек может логически не осознавать всю совокупность сущностных характеристик объекта, или явления, но ощущать эмоциональную причастность и разделять смысловые черты их образов. Так проявляется воспроизводство архетипических смыслов – бессознательных обобщенных смыслообразов труда, просвещения, семейного уклада, восприятия прошлого, господства, подчинения и т.д., их полное, или частичное воспроизведение в современных условиях. Конкретные смыслы обретают статус ценностей – коллективных ориентаций на следование им. В то же время «культурные ценности,

относительно которых люди могут быть «взаимными», – пишет П. К. Гречко, вносят смысл (смыслы) в то, что они (люди) делают, как живут, к чему стремятся. И это делает из социального некое смыслоозначенное бытие, поле, пропитанное, насыщенное смыслом. Смыслы здесь – не просто форма, в которой социальное открывается для меня как познающего существа, а идеальнодейный компонент его содержания, интегральная составная часть социальности как таковой. Без нее мир социального становится нечеловеческой (и бесчеловечной) реальностью». «А это значит, что любое социальное явление нужно рассматривать с учетом того, как оно воспринимается, или понимается, людьми. Это понимание является определенно законным компонентом его реального (и полносоставного) бытия» (Гречко, 2008: 118-119) Так воспроизводится менталитет – определённые свойства группы, общества, нации.

Рассматривая генезис идей в отношении понятия «смысл», его философские интерпретации, Ж. Т. Тощенко отмечает, что «смысл относится и применяется в трактовке, понимании и объяснении социальной реальности во всем ее многообразии, и в первую очередь с таким коренным и ключевым понятием, как жизнь.... Именно смысл венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, о его роли и месте в обществе» (Тощенко, 2016: 12), при этом «одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом» (Тощенко, 2016: 13).

Смысл включает в себя не только осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки, но и активное участие в ее реализации. Не готовность к реализации, а сам процесс превращения цели-принципа в созидательную деятельность. И что особенно важно – смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляться со смыслами других людей и в соответствии с этим продолжать следо-

вать принятой цели, изменять ее или отказаться вовсе. Этим, продолжает Ж. Т. Тощенко со ссылкой на Э. Гуссерля, утверждается, что понимание социальной реальности зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия (Тощенко, 2016: 14). Следовательно, социальная реальность формируется intersubjectивным смыслополаганием.

Смыслообразование – базовая функция культуры. Понимание смыслов, укорененных в базовых и социально-ситуационных характеристиках, является основанием отношения к объектам реальности, определяющим внутреннюю нацеленность на эти объекты и выбор способов взаимодействия (Чупров, Зубок, Романович, 2014, 2019). *Если смысл отражает сущность объекта, то значение может говорить о том, какое место он занимает в иерархии других смыслов и какую роль играет в саморегуляции жизнедеятельности конкретного человека, или группы.* Поэтому понимание социального смысла раскрывается в повседневном взаимодействии молодых людей с другими как общее представление о реальности окружающей их действительности, ее сопереживание. Так на основе личного или исторического опыта формируется осмысленное отношение людей к различным объектам социальной реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2019). Само же отношение реализуется в двух взаимосвязанных формах – понятийной и образной, где понятийная форма, собственно, и отражает смысловые характеристики объектов социальной реальности, а образная – их абстрактное, обобщенное выражение и эмоционально-чувственное переживание. Такое понимание образа не тождественно любому мысленному образу, или утопичному по своей сути «идеальному типу» М. Вебера (Вебер, 1990: 390), а представляет собой комплексный, собирательный образ, в свою очередь выступающий основой базового отношения к реальности. «Базовые характеристики воспроизводятся из опыта прежних поколений в форме коллективного

бессознательного, и закрепляются в массовом сознании, служат основаниями для формирования обобщенного эмоционального и рационального представления об объектах социальной реальности в виде смыслов и ценностей» (Чупров, Зубок, Романович, 2019). Бессознательное, обусловленное прошлым, запечатленным в психике человека (Чупров, Михеева, 2015), включает в себя архетипические компоненты культуры, которые проявляются в символической форме в образах библейских и сказочных героев, в мифах, в поговорках, в фольклоре, в обрядах и т.д. Закрепленные в текстах, архетипические компоненты культуры существуют «в виде совокупности прецедентов», называемых «сгустками вербализованного опыта», образующими «некоторые общие способы реагирования на очень обобщенные ряды ситуаций, своего рода социальные рефлексии или привычки, глубоко укорененные в процессе социализации» (Беккер, Босков, 1961: 180-181).

В процессе социальных взаимодействий базовые характеристики трансформируются в повседневные практики по мере осознания их соответствия индивидуальным, групповым интересам и ценностям людей. А конкретные жизненные ситуации, в которые погружены молодые люди, обеспечивают личный опыт и знания, дополняющие базовый образ реальности. Взаимодействие когнитивной, оценочной и чувственной составляющих в ходе социальных взаимодействий, определяет не только содержание образов реальности, но и силу внутреннего эмоционального напряжения, возникающего в зависимости от значимости объекта и меры реализации ожиданий, связанных с ним. Различия в реализации ожиданий, проявление неравенства и разочарование молодежи во взаимодействиях с объектами реальности, обусловленные дифференциацией их жизненных ситуаций и социального контекста жизнедеятельности, корректируют, прежде всего, ситуационное отношение к ее объектам. «Иначе говоря, в социально-ситуационных

характеристиках фиксируются отклонения от базового образа как результат рефлексии повседневного опыта» (Чупров, Зубок, Романович, 2014: 188).

Сформировавшееся отношение к явлениям и объектам социальной жизни, воплощается в конкретных поведенческих предрасположенностях (диспозициях), характеризующих способы реализации молодыми людьми собственных жизненных выборов. Формирование предрасположенностей обусловлено соответствующим строением знаний, приобретаемых во взаимодействии с другими по поводу совместного познания и освоения, образуя субъективный опыт как проекцию опыта коллективного. Формирующиеся габитусы упорядочивают его и закрепляют, способствуя преобразованию в социальные практики. «Социальное становится реальностью для субъекта посредством его практик, расширяющих освоенное им пространство жизненного мира. Другими словами, из множества реальностей человек выбирает и признает (принимает) только ту, которая является результатом его собственной деятельности, разворачивающейся в системе практик. Все остальные уровни и типы реальностей являются чуждыми для него, навязанными ему извне реальностями, которые он принимает как фактическую данность» (Резник, 2008: 104-105). Сказанное означает, что освоение реальности осуществляется молодым человеком посредством расширения практик участия в жизни общества, вовлечения в социально-экономические, трудовые, общественно-политические отношения, проявление в них собственной субъектности.

В ходе рефлексии опыта, запечатленного в архетипах и закрепленного в габитусах, субъективная реальность приобретает связь с исторически обусловленными смыслами. На основе их взаимодействия формируется предрасположенность к традиционному типу отношения к реальности. В свою очередь, актуальный жизненный опыт молодежи, обретаемый ею в изменяющихся условиях, в большей мере отвечает

за формирование современных представлений о реальности. Тем самым, расширяется пространство реальности молодежи. Следуя этой логике, можно было бы ожидать, что и поведенческие предрасположенности будут формироваться соответствующим образом: традиционные габитуальные установки станут проекцией исторических, базовых представлений, а современные – продуктом ситуативных условий. Однако в реальности эти связи не столь очевидны и однозначны. Как в опыте прежних поколений просматриваются предпосылки современных поведенческих практик, так и в современных контекстах вполне успешно воспроизводятся традиционные смыслы и поведенческие установки, подхваченные и применяемые молодежью в условиях, казалось бы, далеких от тех, в которых они были выработаны. Аналогичным - перекрестным - образом могут выстраиваться и установки на инновацию или адаптацию. Адаптация не сводится к традиции, поскольку объектом приспособления адаптирующегося субъекта может выступать любой культурный набор, от традиционного до современного, от консервативного до либерального. А непотворение сложившимся обстоятельствам может быть обусловлено рациональными соображениями (необоснованно высокой ценой риска изменений, отсутствием «подушки безопасности» и т.д.). В свою очередь, приверженность традиционным смыслам не сводится к архаичности и не отменяет эксперименты с современными способами их реализации (например, традиционный смысл семьи при современном образе ее жизни).

В процессе развития к прежним жизненным смыслам, содержащимся в основаниях наследуемой культуры, добавляются новые. Частичное вытеснение, но чаще их взаимопроникновение, порождает новые, сложные образцы реальности. На этом фундаменте строится гибридизация как одна из ее доминантных особенностей в молодежной среде.

Многokrатно повторяющийся опыт взаимодействия с объектами реальности

рутинизируется, а их образы и способы реагирования опривычиваются. Хабитуализация формирующихся представлений обеспечивает их встраивание в поведенческие модели не только живущих поколений, но и трансляцию другим поколениям, сохранение их в исторической памяти. Уверенность в достоверности разделяемых всеми знаний и представлений о реальности и ее проявлениях, является условием объективации.

Габитуальные установки довольно устойчивы чтобы воспроизводиться при удобном случае, но достаточно подвижны, чтобы сохранять чувствительность к изменениям среды. Поскольку они связаны с навыками выживания в определенной социальной реальности, то обнаружение характерных форм, под которые в арсенале имеется апробированный опыт и соответствующие ему практики, обеспечивает их ренессанс. Здесь проявляется другой этап объективации – типизация и формирование обобщенного стереотипного представления о социальной реальности, когда «...в типически сходных обстоятельствах я могу действовать в сущности так же, как я действовал и раньше для достижения типически сходного результата» (Шюц, 1988: 135). «Типификации и символизации, с помощью которых мы различаем определенные страты нашего социального мира, конструируем и интерпретируем его содержание, определяем цели и порядок наших действий в нем и учитываем его воздействия на нас, весь этот ментальный инструментарий уже передан нам как переживаемый без вопросов [*unquestionably given*] именно в силу тех социально детерминированных схем интерпретации и выражения, которые превалируют в группе, куда мы входим, и которые мы привыкли называть «культурой» нашей социальной группы» (Шюц, 2008: 77).

Типизация реальности – поиск характерных ее черт, типичных признаков, позволяющих применять выработанные под них социальные практики. Иначе говоря, оставлять за скобками уникальные, но малозначимые характеристики, сосредотачи-

ваясь на типичных и апробированных, используя энергосберегающие стереотипные реакции на повторяющиеся ситуации взаимодействия с реальностью, представления о которой так же стереотипизируются. И в таком упрощенном, схематизированном виде они воспринимаются как объективные, действительные. Наряду с антропостереотипами формируются и функционируют аксиологические стереотипы – «отражающие систему социально значимых ценностей отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом. Данная система ценностей, после трансформации в аксиологические стереотипы, реализуется в ходе социальной коммуникации через функции идентификации и интеграции, которые в совокупности ориентированы на поддержание стабильности существования социальной системы.... Основанием для выделения аксиологического стереотипа ... является характер направленности субъекта оценки (социального актора) в отношении объекта оценки (социальной ценности)» (Ковалев, 2009: 14).

Схематизированные образцы объектов и рисунок возможного поведения определяют рамку, через которую воспринимается реальность - фрейм. Поскольку человек сталкивается с множеством конкретных ситуаций, то знания структурируются в разветвленную систему фреймов, по-своему упрощая восприятие реальной действительности (Минский, 1979: 7).

Там, где осуществляется типизация и хабиитуализация опривыченных действий, имеет место институционализация – завершающий этап объективации. Институционализированные образцы получают независимость от субъективных представлений, которыми когда-то были порождены, и функционируют как социокультурные регуляторы жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности.

Противоречия формирования реальности. Поскольку социальная реальность формируется на пересечении культурного и социального опыта, будем рассматривать

изменения смыслового восприятия ключевых объектов реальности группами молодежи, живущими в разных социальных условиях и приверженных различным жизненно-практическим установкам. В этой диалектической связи социального и культурного именно культура отвечает за формирование базовых компонентов смысловых образов реальности, а непосредственный социальный опыт, обусловленный социально-групповыми особенностями молодежи и вытекающими из них жизненными обстоятельствами – за его ситуативные вариации. Во взаимодействии культурного и социального, а также в самой культуре возникают противоречия. Так, несоответствие долговременных культурных и ситуативных социальных факторов порождает противоречие в способах организации социальной жизни молодежи. В наиболее общем виде это выражается в несовпадении разделяемых смыслов с возможностями их воплощения. Поскольку в этом противоречии отражаются не только коллизии, но и потенциальные возможности преодоления разными группами молодежи возникающего несоответствия по мере собственной активности, то проявляющееся неравенство отразится не только в дифференциации представлений о реальности, но и в индивидуально-групповых способах ее регуляции.

Что касается противоречия внутри самой культуры, то оно выражается в уже упоминавшемся столкновении традиционного и современного, в его непримиримой борьбе, но и в единстве. Поскольку каждое новое поколение не только воспроизводит сконструированную другими поколениями смысловую реальность, но изменяет ее путем собственной деятельности и в измененной форме передает последующим поколениям, то возникающие новые смыслы преобразуются в новые культурные образцы, становясь постепенно составной частью обобщенных образов реальности. Исходя из понимания особого статуса молодежи в общественном воспроизводстве, столкновение смыслов традиционных и современных выглядит как противоречие между

субъектностью молодежи в простом воспроизводстве (преемственности смыслов и ценностей) и ее субъектностью в социокультурных инновациях и развитии. Подобные инновации часто соответствуют тому, что Бергер и Лукман называли перетолкованием прошлого для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности (Бергер, Лукман, 1995: 263), но сам факт реинтерпретации и появления новых смыслов отражается в изменяющейся реальности как девиация. Проблема взаимодействия традиционного и современного, новой нормы и отклонения, а также смысловых оснований современных норм и девиаций – одна из ключевых в изучении изменяющейся реальности и смысловых оснований саморегуляции жизнедеятельности молодежи в этих условиях.

Совокупный жизненный опыт, накопленный людьми, живущими в конкретном обществе на определенной территории со всеми исторически сложившимися особенностями социальных отношений, воплощается в обобщенных представлениях о реальности, фиксируется не только в образах окружающего мира, но и в поведенческих реакциях. При этом не всё в восприятии реальности подвержено рациональному осмыслению, а частично существует в виде неосознанного опыта, неотрефлексированная информация о котором «хранится» в коллективном бессознательном. Современная организация общественной жизни, предполагающая соотнесение целей жизнедеятельности, прежде всего, с рационально осмысленными средствами их достижения, сталкивается со смыслообразами, связанными с традицией. Притом, что в образах реальности можно выделить, как признаки осознаваемого, так и элементы бессознательных установок, а бессознательное в процессе рефлексии конвертируется в осознанные образы реальности, чтобы отразиться в жизненной позиции молодых людей, между бессознательным и рационально осмысленным возникает своя собственная линия противоречий. Так, в моло-

дежной среде сталкиваются архетип «идеализации» прошлого, возведенный в ранг критерия оценки современного («Почитая старое, обретаешь новое»), архетип добра, как источник небедимой веры в лучшие человеческие проявления («Добро побеждает зло»), или архетип совести («Хоть мощна пуста, да совесть чиста») с прагматизмом и рационализмом как современной чертой молодого поколения, выделяемой самими молодыми людьми в качестве поколенческого признака. Такого рода противоречие есть в разных сферах жизни. Особенности его разрешения определяют направленность и характер изменений реальности в молодежной среде.

По мере накопления опыта и знаний о сущности и особенностях реальности, раскрываются ее стороны, обусловленные объективными процессами, т.е. социальная действительность. Познавая объективную социальную действительность, молодой человек воспринимает ее через то знание, которым располагает, поэтому сущность социальной реальности коренится в соотношении объективного и субъективного (А. Шюц) в социальной действительности. Знания распределены в обществе, но их доступность определяется, прежде всего, социальным положением и активностью самого молодого человека по его изменению. Человек осознает себя в качестве члена определенной социальной группы, обладателя определенного социального статуса, выполняющего конкретную социальную роль. Результатом осознания им своего социального положения становятся, с одной стороны, сформированные ожидания от реальности, а с другой, социальные смыслы, которыми наполняется данная в ощущениях, или конструируемая новая реальность. Между объективной и субъективной сторонами социальной реальности возникает противоречие. Оно проявляется в виде несоответствия смыслов и значений объектов реальности действительному положению дел и статусу молодежи в соответствующих структурах. Так проявляется столкновение субъективных представлений о

роли и значении образования в жизни современного человека и реальным, т.е. объективно существующим образовательным статусом молодых людей, уровнем образования, квалификацией, знаниями; несовпадение объективного положения молодежи в сфере труда и характеристик ее трудовой деятельности с ожиданиями от труда и его ценностями, т.е. субъективными смысловыми представлениями; между образом семьи, сформировавшимся в сознании молодежи и возможностями реализации его в действительности; между представлениями о функциях политических институтов, пониманием их эффективности с негативным опытом взаимодействия с конкретными властными структурами, или представителями власти; между смыслами общения и коммуникативными ожиданиями молодых людей и доминирующим режимом коммуникации, установившимся в их среде, или в общении с другими группами и т.д.

Способом преодоления противоречия объективного и субъективного является примирение с реальностью (не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней), или ее целенаправленное изменение, движимое инновационным потенциалом молодежи и новыми представлениями о должном, важном и значимом, т.е. о смыслах.

Изменение реальности и эмпирические подходы к его исследованию. Современная социальная реальность отличается «текучестью»; а «изменчивый современный мир людей, наделенных свободой выбора» (Бауман, 2008) динамичен и пластичен. Изменения, являющиеся имманентным свойством и атрибутом современного мира, глобальны и развиваются в режиме ускорения. При этом их скорость, вектор и содержательное наполнение в разных обществах, сферах и группах существенно отличается. Возникающие в жизнедеятельности молодежи социальные и культурные феномены отличаются коротким периодом актуальности. Постоянное движение, в котором пребывает современная реальность, а вместе с ней и молодое поколение являются частью образа жизни молодежи, отражаются в ее

восприятии и способах организации жизнедеятельности.

«Точка сборки» социальной реальности, – пишет Ю. М. Резник осмысливая природу и практический смысл социальной реальности, «образуется на пересечении двух встречных векторов – ее изменчивости и «пластичности», способности к изменению (и самоизменению), с одной стороны, и конструктивного потенциала субъекта как интегративного качества и способности перестраивать этот мир «под себя», изменяя в то же время свой внутренний мир». Поэтому «фактическим субъектом культурных процессов всегда является отдельный человек, который ведет себя не как пассивный «продукт окультуривания», т.е. механический исполнитель усвоенных им культурных образцов и норм, но и как их активный интерпретатор» (Флиер, Полетаева, 2008: 15). В этом процессе выражается социальная субъектность молодежи, осмысливающей и переосмысливающей реальность в контексте взаимодействия с изменяющимися структурами общества в изменяющихся условиях жизни, адаптирующейся к этим изменяющимся условиям и переконструирующей социальную реальность «в соответствии со своим символическим универсумом» (Луков, Павлов, 2015: 83). И, чем больше реальность осваивается как пространство собственной жизнедеятельности, тем активнее она осознается как объект возможного изменения.

Субъектные изменения проявляются на каждой ступени конструирования в нарастающей рационализации базовых представлений и смыслов реальности, когда молодое поколение вкладывает в них другое содержание, меняет (рационализировает) свои ожидания, или способы их реализации.

На стадии смыслообразования этот процесс выражается в нарастании современного понимания сущностных характеристик, функций и значения объектов и явлений реальности - семьи, родины, образования, труда, здоровья, общения, власти и т.д. до понимания смысла собственной

жизни. В процессе переосмысления меняется не только их сущностное выражение, но и значение – место в иерархии смыслов. При этом значение может быть терминальное (самоценное), когда объект выступает в виде ценности-цели, или инструментальное, прагматично воспринимаемая как средство достижения иных, более значимых целей. Изменяться может соотношение между ними.

На стадии выбора поведенческих форм – в переопределении границ нормы и отклонения, стирании сглаживании четко выраженных граней между ними и расширении тем самым возможностей достижения жизненных целей.

На стадии хабикулизации – в отходе от традиционных практик, моделирующих повторение прошлых образцов, смещении габитуальных установок в ответ на более глубокие сдвиги в образе жизни и способах ее организации (изменении соотношения габитусов активности и пассивности, индивидуализма и коллективизма, чувственности и расчетливости, активности и пассивности, постоянства и изменения, предсказуемости и риска и т.д.). Не случайно наиболее значимые, фундаментальные социальные изменения П. Бурдьё связывал с изменением габитуса к определенной деятельности.

На стадии типизации – изменения проявляются как в смене стереотипов, лежащих в основании образов объектов реальности, в том числе социальных групп, общностей «мы» и «они», так и в изменении аксиологических представлений, вслед за которыми изменяются смысловые рамки восприятия реальности и выстроенные на их основе схемы интерпретации событий, явлений и ситуаций индивидуальной и общественной жизни. Изменения, таким образом, направляются на «дестереотипизацию деятельности, общения, мышления, дестандартизацию уже имеющихся наличных содержаний, проблематизацию «очевидностей», деструктуризацию и деинституционализацию» с последующей их пересборкой.

Их общий вектор устремлен в сторону рационализации – оптимизации оснований и форм взаимодействия с изменяющимся миром, реализуемые через неизбежное отступление от конвенционального эталонного образца. «При этом степень отклонения может различаться от незначительных изменений до формирования смысловой оппозиции» (Сорокин, 2020: 123), под которой предлагается понимать противопоставление сущностного понимания образов, действий, явлений, формирующихся в культурном пространстве молодежи институциональной модели, или конвенциональному нравственному образцу.

Институционализация закрепляет спонтанные, существовавшие в экспериментальном виде, апробируемые поначалу небольшими группами молодежи неформальные практики (Диманс, Левичева, 2018), утверждая их в качестве новой нормы вместо прежней, или наряду с ней.

Так, росло принятие практики неоформленных семейных союзов, апробация, а затем закрепление по принципу «и так тоже можно» незарегистрированного брачного партнёрства. Для многих молодых людей стало возможным примирить внутреннее стремление к жизни в партнерских отношениях, а не «соло» (Кляйненберг, 2014) с невозможностью взять на себя полноценную ответственность за создание семьи.

В трудовых отношениях утвердилось фрилансерство, имевшее смысл достижения гибкости и независимости от жестких структур и формальных контрактов. Такие практики, с одной стороны, хотя и порождают новую зависимость от случайных заработков, формируют прекарную занятость (Тощенко, 2020), но в то же время отвечают идее свободного передвижения, неуловимости, возможности быть везде и нигде конкретно. Схожим образом изменялся характер связей труда с другими объектами реальности и, прежде всего, с образованием (Сморегуляция, 2021).

Отношение молодежи к образованию также наполнялось новыми смыслами и

практиками. Переосмысление и, как следствие, ренессанс переживали просветительские проекты (Ключарев, 2014), с развитием интернет-коммуникаций завоевывало сторонников онлайн образование, ставшее основой его организации во время пандемии; смысл образования утилитарно связывался с его практической ориентированностью, само оно оценивалось, исходя из конвертируемости на рынке труда, а отношение к нему рационализировалось в соответствии с образцами гиперреальности (Селиверстова, 2020).

Иными смыслами наделялось понимание власти, восприятие которой эволюционировало от традиционно сакрального образа с максимальной дистанцией, основанного на архетипическом «где царь, тут и правда», до укрепляющегося понимания власти как эффективного менеджера, избираемого путем демократических процедур и отвечающего интересам общества в целом и местных территориальных сообществ.

Переосмысливалось в сторону рационализации понимание Родины, образ которой формировался на основе современных критериев свободы и комфортной жизни (Сорокин, 2021 (а)).

В коммуникативной сфере происходило сращивание «онлайн» и «офф-лайн» реальности, стирание граней между виртуальностью и тем, что еще недавно считалось реальностью, выступавшей нормативным образцом. А коммуникации приняли на себя роль основных средств организации жизни молодежи. Новая коммуникативная реальность разрушала прежние формы социальности и намечала новые, открывая возможность приобщения к недоступным прежде образцам и практикам, избавляя многих молодых людей от одиночества, заброшенности, скуки. При этом изменялись не только содержательные стороны общения, но и коммуникативная компетентность личности (Чанкова, 2018; Зубок, Чанкова, 2019).

Наконец, существенные изменения происходили в понимании нормы и девиации, что само по себе становится базовым основанием всего процесса переосмысления и переопределения реальности. С одной стороны, пересматривались конкретные нормы и практики (например, в восприятии возраста, или пола, в представлениях об их ролевых и статусных границах в обществе), с другой – пересматривалось отношение к самой норме как феномену реальности (Зубок, Яковук, 2008), а девиация расширяла свое значение как исключительно субкультурного явления и приобретала новую смысловую функциональность как инструмент конструирования новой реальности (Сорокин, 2021 (b)).

Итак, на каждом этапе конструирования и изменения реальности проявляется социальная субъектность молодого поколения. Включаясь в этот процесс, молодежь реализует свои ключевые социальные функции в общественном воспроизводстве, сформулированные В. И. Чупровым (Чупров, 2008: 450-451): способности к восприятию и преемственности социального опыта (непрерывность связи изменяющегося прошлого и актуального опыта, обеспечивающей целостность самой реальности), инновации (реализация потенциала изменений) и трансляции (трансмиссия воспринятого и измененного опыта следующим поколениям, закрепление его в смысловых и поведенческих структурах). Реализуя эти функции, молодежь конструирует и переконструирует социальные и социокультурные условия своей жизнедеятельности, изменяясь под их влиянием (Чупров, 2017). В этой диалектике одновременно выражается и «претензия» субъекта на коррекцию доступного ему и лишь «частично» готового к переменам социального мира и как «заявка» на личностные перемены (готовность к самоизменению)» (Резник, 2008: 111).

Как относительно самостоятельная социально-демографическая группа, молодежь рассматривается в качестве самораз-

визуализируемого субъекта изменения реальности. Однако, как часть общества, связанная с ним множеством социальных и культурных нитей, она включена в более общий поток изменений. Поэтому в рефлексии изменений необходимо исходить из того, что молодежь является субъектом, находящимся «на границе «внутреннего» и «внешнего» аспектов социальных изменений». Внутренний аспект связан с процессом взросления и статусной переходностью, социальными и социально-психологическими изменениями, их сопровождающими, то внешний – обусловлен изменениями средовыми. Во-первых, это глобальные изменения, охватывающие группы стран и целые континенты, связанные с резким сломом реальности – глобальные экономические кризисы, масштабные природные катаклизмы, эпидемии и войны; во-вторых, трансформационные процессы внутри конкретных обществ, обусловленные эндогенными и экзогенными факторами, но локализуемые в рамках национальных границ, или отдельных групп. Это означает, что «в социальном мире, где пересекаются линии поведения многих субъектов ... приходится играть по «чужим», зачастую навязанным правилам, лавируя между группами интересов» (Резник, 2008: 111). Во всех случаях изменяющаяся реальность, прежде всего, становится пространством неопределенности и риска, в котором теряющие позицию контроля над действиями других и их последствиями молодые люди вынуждены осуществлять функцию достраивания – «латания дыр», образовавшихся в их собственной реальности. Поскольку неопределенность характеризуется деформацией всех привычных структур, включая смысловые, и сопровождается ощущением утраты социальной стабильности и устойчивости не только социальных связей, социального статуса и социальной роли, но и в целом, утрату образа реальности как совокупности ее смысловых значений (Зубок, 2007; Зубок, Чупров, 2008; Зубок, 2008; Зубок, Чупров, Шаповалова, 2016), то речь

скорее идет о реконструировании распавшейся реальности, придании новых смыслов объективно изменившимся объектам, или своим собственным ожиданиям от взаимодействия с ними. Любая попытка выстраивания новой реальности сопряжена с риском, который проявляется в средовой и деятельностной форме – как характеристика условий жизнедеятельности в ситуации *перехода* от определённости к неопределённости и наоборот, и как сама деятельность в этих условиях. Чем выше неопределенность, тем выше будет и риск.

Отражаясь в сознании молодых людей в виде вынужденного опыта взаимодействия с рискогенной средой, или собственного выбора в пользу «открытой реальности» - изменчивости, спонтанности и риска как установки и основы жизненной стратегии, неопределенность становится значимым фактором социальных и культурных-изменений, в том числе самих социальных механизмов их регуляции и саморегуляции. Поскольку средовая неопределенность и риск – это ситуативные характеристики жизнедеятельности, то изменение образов реальности под их влиянием также будет ситуативным. Чего нельзя однозначно сказать о предрасположенности к стабильности, или изменчивости, определяемой габитуальными установками. Они имеют более сложную природу и связаны с социально-фиксированными установками (аттитюдами) опасности и безопасности в диспозиционной структуре личности. Это делает их более устойчивыми. В соответствии с типом риска – средовым, или деятельностным, а также со степенью их выраженности характер социальной реальности будет изменяться.

Значимыми ситуативными факторами изменения реальности практически всегда будут региональные и поселенческие различия. Их специфика связана как с материальными условиями среды обитания, так и с социокультурными, определяющими самосознание молодых жителей разных регионов страны и территориальных образований - урбанизированных центров – с одной

стороны и небольших городов, поселков городского типа и сел – с другой. Материальные условия жизни, включая низкие доходы, инфраструктурную неразвитость, отсутствие доступных каналов социальной мобильности, заброшенность и бессобытийность большинства территорий, усиленные последствиями пандемии и санкций, противостоят небольшому числу экономически развитых территорий, в основном, крупных городов с их современной средой обитания и развитой структурой возможностей, а значит, и большей привлекательностью для молодежи. Соответственно, различается социальный и культурный контекст, а с ним и смысловое пространство реальности. Базовые культурные смыслы в таких условиях будут претерпевать изменения, преимущественно, с учетом рационализации средств достижения тех, или иных целей.

Ключевыми факторами изменения реальности стали пандемия и санкции, вызванные сначала вхождением Крыма в состав РФ, а затем и специальной военной операцией на Украине. Поскольку оба эти события, хотя и по-разному сопровождалось ростом неопределенности, то их влияние также выразится в изменении смыслов и представлений о реальности, преимущественно молодежи крупных городов и мегаполисов, ориентированной на современные смыслы глобальной культуры и потребления.

Однако необходимо учитывать, что социальная реальность «пластична» лишь в ограниченном виде и у нее существуют собственные пределы изменения – своего рода «твердые» зоны, которые не поддаются целенаправленным воздействиям людей, а, напротив, остаются незыблемыми на протяжении длительного периода времени. Мы изменяем социальный мир лишь в той мере, в какой он сам способен к изменению, допуская нас тем самым к участию в программах совместной деятельности, которые мы сами не всегда выбираем, а вынуждены зачастую принимать их как свершившийся факт» (Резник, 2008: 110).

Эмпирическое исследование изменяющейся социальной реальности в молодеж-

ной среде может быть реализовано на основе нескольких принципов. Во-первых, путем классического межпоколенного анализа, т.е. сравнения смысловых и деятельностных характеристик «отцов и детей» (Чупров, Зубок, Романович, 2011; Чупров, Зубок, Романович, 2014), во-вторых, путем сравнения смысловых проекций на объекты реальности разных поколений молодежи; в-третьих, – внутрипоколенного анализа как сравнения между собой компонентов образа реальности, присущего разным группам молодежи в пределах одного поколения.

Одним из продуктивных способов анализа является способ реконструкции событий с известным результатом. Его преимущество, на наш взгляд, в том, что на основе знания о последующих событиях возможно не только воссоздавать прошлую реальность, но и проследить логику ее изменений. При таком подходе появляется возможность обоснованно видеть причинно-следственные связи, когда анализ взаимодействия прошлого опыта с изменяющейся реальностью выявляет факторы перехода явления в другое состояние, например, в связи с только что начавшимся кризисом. Тогда последующие исследования отразят динамику и вектор ее изменения на этапе посткризиса. Принципы ретроспекции были применены В. И. Чупровым в работе, посвященной событиям на Украине, написанной в соавторстве с В. В. Михеевой (Чупров, Михеева, 2014) и неоднократно использовались в наших работах, в частности при анализе доверия в саморегуляции изменяющейся реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2019).

Заключение (Conclusions). Формирование социальной реальности – развернутый во времени последовательно реализуемый процесс ее конструирования, состоящий из взаимосвязанных этапов. На каждом этапе по-своему взаимодействуют объективные и субъективные компоненты реальности: объективное в образной форме отражается в сознании индивидов и групп,

а субъективное – объективируется, опривычивается, приобретает устойчивые институциональные формы и становится ориентиром в саморегуляции жизнедеятельности; наследуемые традиционные представления взаимодействуют с современными, обусловленными изменяющимся опытом взаимодействия молодежи с новыми социальными реалиями; глубинные культурные компоненты воплощаются в социальных практиках, или встречают сопротивление в силу изменившегося опыта; воспринимаемые как само собой разумеющиеся смыслы и ценности проходят через фильтр рефлексированного сознания, соотносящего их с современными условиями и воспроизводятся молодым поколением в изменившихся обстоятельствах, или изменяются под влиянием обстоятельств.

Исследование формирования реальности в интерсубъективных взаимодействиях дает возможность проследить не только изменение индивидуальных представлений молодых людей, но и их превращение в коллективные представления, обретающие статус реальности. Соответственно, изучая социальные условия и жизненные ситуации разных групп молодежи, обусловленные их включенностью в определенные социальные структуры и опытом взаимодействия с ними, можно увидеть связь представлений о реальности с социальными позициями, занимаемыми людьми в этих структурах. А, анализируя связь образов реальности с базовыми компонентами культуры (осознаваемыми и бессознательными, традиционными и современными, инновационными и адаптационными), проследить линию их воспроизводства и изменения.

В механизме формирования и изменения реальности задействованы те же элементы, что и в механизме саморегуляции – институциональные, социокультурные, самоорганизационные. Проявляется в этом процессе и целенаправленное формирование смыслов реальности через систему воспитания, и саморегуляция самой молодежи,

движимая в разной мере осознанным смысловым выбором и неосознаваемыми установками.

Дальнейшее углубление теоретических концепций исследования этих процессов и их эмпирическая апробация является актуальным направлением в развитии социологии молодежи.

Список литературы

Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 140 с.

Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд. Иностранной литературы. 1961. 896 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // М. Вебер. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 495-547.

Гречко П. К. Социальное: диспозиционно-коммуникативная перспектива исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 114-134.

Грицанов А. А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1 (2). социальная реальность: концепции и методология исследований / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 133-148.

Диманс С., Левичева В. Люди и нормы: институты VS неформальные практики // Институт «Справедливый мир». М.: Ключ, 2018. 302 с.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

Зубок Ю. А. Неопределенность социальная // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. [Сост. Ю.А. Зубок и др.]. М.: Academia, 2008. 606 с.

Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Юридическое издательство «Норма», 2020. 304 с.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 139-150. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>.

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива. 2008. 204 с.

Илле М. Е. Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. М., 2016, С. 27-32.

Ключарёв Г. А. Интернет-образование и будущее просветительского проекта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 2. С. 45-58.

Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 370 с.

Ковалев В. В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества: автореферат дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 39 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Наука, 1984. 226 с.

Луков В. А., Павлов А. В. Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи // Горизонты гуманитарного знания. 2015. № 4. С. 81-93.

Луков В. А. Тезаурусный подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 247-252. DOI: [10.17805/zpu.2018.3.23](https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.23).

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир. 1979. 152 с.

Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. 736 с.

Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1 (2). Социальная реальность:

концепции и методологии исследований / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 88-111.

Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю. А. Зубок (отв. ред.), В. И. Чупров, И. С. Шаповалова и др. Белгород: Эпицентр, 2016. 208 с.

Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71-77.

Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2021. 500 с.

Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. № 31 (1). М., 2019. С. 71-91.

Сорокин О. В. (а) Смысловые компоненты отношения к Родине в культурном пространстве молодёжи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3 (284). С. 110-121. DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>.

Сорокин О. В. (б) Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи через призму тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 145-158. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11>.

Сорокин О. В. Смысловые отклонения в молодежной среде: опыт социологического исследования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 116-128.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Тощенко Ж. Т. Смысл как качественная характеристика жизненного мира // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 9-18.

Флиер А. Я., Полетаева М. А. Происхождение и развитие культуры. М.: МГУКИ, 2008. 271 с.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.06 / Чанкова Елена Вадимовна; [Место защиты: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН]. М., 2018. 45 с.

Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 1994.

Чупров В. И. (а) Социально-воспроизводственное направление в исследованиях молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 450-451.

Чупров В. И. (б) Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретико-методологические особенности исследования молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.

Чупров В. И. (с) Концепция социального развития // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 451-454.

Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. М.: Юридическое издательство «Норма», 2014. 352 с.

Чупров В. И., Михеева В. В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности: почему нет мира на Украине? М.: НОРМА-ИНФРА, 2015. 160 с.

Чупров В. И. Механизм саморегуляции социокультурного воспроизводства в молодежной среде в изменяющемся обществе // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», Москва, 15-16 марта 2017 года / Ответственный редактор А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 98-100.

Чупров В. И. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович; Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. М.: Юридическое издательство «Норма», 2019. 208 с.

Шрейдер Ю. А. Смысл // Новая философская энциклопедия. URL: <https://goo.su/T14z8> (дата обращения 02.08.2022).

Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. 416 с.

Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 526-541.

Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 74-89.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 135.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture, 2011. Vol. 2. № 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

References

Auzan, A. A. (2022), *Kul'turnye kody ekonomiki. Kak cennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda* [Cultural Codes of the Economy. How Values Influence Competition, Democracy and People's Welfare], AST, Moscow, Russia, 140. (In Russian)

Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremenost'* [Current modernity], Peter, Saint-Petersburg, Russia, 240. (In Russian)

Becker, G., Boskov, A. (1961), *Sovremennaya sociologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii* [Modern Sociological Theory in its Continuity and Change], Foreign Literature Publishers, Moscow, Russia, 896. (In Russian)

Berger, P., Luckman, T. (1995), *Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge], Medium, Moscow, Russia, 323. (In Russian)

Weber M. (1990), "On Some Categories of Understanding Sociology", in Weber M. *Selected Works*, Progress, Moscow, Russia, 495-547. (In Russian)

Grechko, P. K. (2008), "The Social: A Dispositional and Communicative Perspective of Research", *Issues of Social Theory*, II (1), 114-134.

Gritsanov, A. A. (2008), "Social Reality: Understanding the Basic Paradigms", *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi almanak*, II, Social Reality: Concepts and Research Methodology, Moscow, Institute of Philosophy RAS, Interdisciplinary Society of Social Theory, 133-148. (In Russian)

Dimans, S., Levicheva, V. (2018), "People and norms: institutions vs informal practices", *Just World Institute*, Key, Moscow, Russia, 302. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2008), *Social Uncertainty, Sociology of Youth*, Encyclopedic Dictionary, Academia, Moscow, Russia, 606. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2007), *Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovaniya molodezhi* [The Phenomenon of Risk in Sociology. Experience of Researching Youth], Mysl, Moscow, Russia, 288. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2020), *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity], Law Publishing House Norma, Moscow, Russia, 304. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chankova, E. V. (2019), "Communicative competence of personality in the space of virtual reality", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 139-150, DOI <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>. (In Russian)

Zubok, Y. A., Yakovuk, T. I. (2008), *Duhovnaya zhizn' molodezhi v transformiruyushchetsya obshchestve* [Spiritual life of youth in a transforming society], Alternative, Brest, Belorusskiya, 204. (In Russian)

Ille, M. E. (2016), "Participation of residents of the "cultural capital" in the cultural life of St. Petersburg", "Telescope", *Journal of Sociological and Marketing Research*, Moscow, 27-32. (In Russian)

Klyucharev, G. A. (2014), "Internet-education and the future of the educational project", *Sociological Science and Social Practice*, (2), 45-58. (In Russian)

Kleinenberg, E. (2014), *ZHizn' solo. Novaya social'naya real'nost'* [Living Solo. The new social reality], Alpina non-fiction, Moscow, Russia, 370. (In Russian)

Kovalev, V. V. (2009), "Axiological stereotypes as a factor of sustainability of the Russian society", Abstract Doctor of Sociology dissertation, Rostov-on-Don, Russia, 39. (In Russian)

Lomov, B. F. (1984), *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology], Nauka, Moscow, Russia, 226. (In Russian)

Lukov Val. A., Pavlov A. V. (2015), "The construction of man in the light of the thesaurus concept of youth", *Horizons of Humanitarian Knowledge*, (4), 81-93. (In Russian)

Lukov, V. A. (2018), "The thesaurus approach", *Znanie. Understanding. Skill*, 3, 247-252, DOI <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.23>. (In Russian)

Minsky, M. (1979), *Frejmy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation], World, Moscow, Russia, 152. (In Russian)

New Philosophical Encyclopedia (2010), Institute of Philosophy RAS; National Society. -scient. fund; chairman of the Scientific and Editorial Council V. S., Stepin, deputy chairmen, in A. A., Guseynov, G. Yu., Semigin, accountant. Secret. A. P., Ogurtsov. 2nd ed., Rev. and add (ed), Thought, Moscow, Russia, 736. (In Russian)

Pre-cariat: the formation of a new class: (collective monograph) (2020), in J. T. Toshchenko (ed), Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia, 400. (In Russian)

Reznik, Y. M. (2008), "The concept of "social" in contemporary philosophy and science", *Voprosy Social Theory: Scientific Almanac. Social Reality: Concepts and Research Methodologies*, II, (1), 88-111. (In Russian)

The Risks of a Transforming Environment: A Research and Management Problem (2016), in Y. A., Zubok (ed.), V. I., Chuprov, I. S., Shapovalova et al., Epicenter, Belgorod, Russia, 208. (In Russian)

Seliverstova, N. A. (2020), "Imitation of educational practices in higher education", *Sociological Studies*, (3), 71-77. (In Russian)

Samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'nye praktiki [Self-regulation of youth life: methodology and social practices], Epicentr LLP, Belgorod, Russia, 500. (In Russian)

Sokolov, M. M. (2019), "Generations instead of classes? Age and consumer revolution in Russia", *Sociology of Power*, (1), 71-91. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 a), "The semantic components of the attitude toward the homeland in the cultural space of the youth", *Bulletin of Adygei State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*, (3), 110-121, DOI <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 b), "Rejected meanings in interpersonal communications of youth through the prism of the thesaurus approach", *Knowledge. Understanding. Skill*, (3), 145-158, DOI <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11>. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2020), "Meaningful deviations in the youth environment: the experience of sociological research", *Znanie. Understanding. Skill*, (4), 116-128. (In Russian)

Sorokin, P. A. (2000), *Social'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shikh sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Large Systems of Art,

Truth, Ethics, Law and Social Relations], RCHI, Saint-Petersburg, Russia, 1054. (In Russian)

Toshchenko, J. T. (2016), "Meaning as a Qualitative Characteristic of the World of Life", *Bulletin of Russian State University of Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art History*, (2), 9-18. (In Russian)

Flier, A. Y., Poletaeva, M. A. (2008), *Proiskhozhdenie i razvitie kul'tury* [Origins and Development of Culture], Moscow State University of humanities, Moscow, Russia, 271. (In Russian)

Chankova, E. V. (2016), "Communicative competence of a person under the conditions of changing social reality", abstract of D. Sc. dissertation, Institute of Social and Political Studies of RAS, Moscow, Russia, 45. (In Russian)

Chuprov, V. I. (1994), *Social'noe razvitie molodezhi: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Social Development of Youth: Theoretical and Applied Problems], Moscow, Russia. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2008 a), "Socio-productive direction in youth research", *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 450-451. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2008 b), *Social'naya regulyaciya v usloviyah neopredelennosti. Teoretiko-metodologicheskie osobennosti issledovaniya molodezhi* [Social Regulation in Conditions of Uncertainty. Theoretical and methodological peculiarities of the research on youth], Academia, Moscow, Russia, 272. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2008 c), "Concept of Social Development", *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 451-454. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2014), *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitudes to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Yuridicheskoe izdatel'stvo Norma, Moscow, Russia, 352. (In Russian)

Chuprov, V. I., Mikheeva, V. V. (2015), *Doverie v samoregulyacii social'nyh vzaimodejstvij v usloviyah neopredelennosti: pochemu net mira na Ukraine?* [Trust in the Self-Regulation of Social Interactions in Conditions of Uncertainty: Why No Peace in Ukraine?], NORMA-INFRA, Moscow, Russia, 160. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2017), "Mechanism of self-regulation of sociocultural reproduction in the youth environment in a changing society", *Proceedings of the VII International Sociological Grushin Conference "Towards the Future.*

Forecasting in Sociological Research", VCIOM, Moscow, Russia, 98-100. (In Russian)

Chuprov, V. I. (2019), *Doverie v samoregulyacii izmenyayushchejsya social'noj real'nosti* [Trust in self-regulation of changing social reality], Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Studies, legal publishing house Norma, Moscow, Russia, 208. (In Russian)

Schrader, Y. A. "Meaning", *New Philosophical Encyclopedia* [Online], available at: <https://goo.su/T14z8> (Accessed 02 August 2022). (In Russian)

Sztompka, P. (1996) *Sociologiya social'nyh izmenenij* [The sociology of social change], Moscow, Russia, 416. (In Russian)

Schütz, A. (1994), "The Formation of Concepts and Theory in Social Sciences", *American Sociological Thought*, Moscow, Russia, 526-541. (In Russian)

Schütz, A. (2009), "Some Structures of the World of Life", *Voprosy sotsial'noi teorii*", 2 (1), 74-89. (In Russian)

Schütz, A. (1988), "The Structure of Everyday Thinking", *Sociological Studies*, (2), 135.

Hofstede, G. (2011), *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context* [Online], Online Readings in Psychology and Culture, 2 (1), DOI <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2022 г. Поступила после доработки 31 августа 2022 г. Принята к печати 05 сентября 2022 г.
Received 29 August 2022. Revised 31 August 2022. Accepted 05 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва Россия.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Center for Youth Sociology of Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS RAS), Moscow, Russia.